

ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 141.1

ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОГО СОДЕРЖАНИЯ АНТИЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

© 2013 г.

Е.В. Ахмаева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

cennet.80@mail.ru

Поступила в редакцию 10.06.2013

Анализируется трансформация двух миров, Античности и Средневековья, и сознание человека в этом периоде. Ход общественного развития со всеми его взлетами и падениями создает многогранную традицию, образующую преемственную связь между старым обществом и новым, между прежним и новым миром идей, включая человеческие характеристики.

Ключевые слова: Античность, средневековый индивид, духовность, личность, средневековый христианский Ренессанс.

Духовное – это единство многообразного, которое охватывает процессы сознания и бессознательного, которым принадлежат принципы человеческого общения, включая нормы и критерии нравственности, права, художественного творчества. Имея в виду именно различия в форме бытия, духовное можно условно разделить на два больших подвида – на духовное, которое неотделимо от конкретной жизнедеятельности индивида (индивидуализированное духовное), и на то, которое может существовать и часто существует также и вне индивидов. Первый вид – индивидуализированное бытие духовного – включает прежде всего сознание индивида. Поставим вопрос, который может показаться неожиданным: как существует сознание? – Довольно просто: оно «живет» в нас, оно есть неотъемлемая часть нашего существа, нашего Я, Я Человека [1, с. 170]. Как пишет М. Хайдеггер, «ясно, что человек – нечто сущее. Как таковое он, подобно камню, дереву или орлу, принадлежит целому бытия. Здесь же «принадлежит» все еще значит: «встроен в бытие». Но отличие человека покоится на том, что он как мыслящее существо открыт бытию, поставлен перед ним, пребывает отнесенным к бытию и так ему соответствует [2, с. 17–18], как картина мира соответствует своей эпохе.

В данной статье мы уйдем от проблемы поиска бытия духовного и обратимся к проблематике духовной трансформации картин мира, которые

осуществлялись в переломе Античности и Средневековья и которые довольно активно обсуждаются в современной философии и культурологической литературе. Однако как в отечественной, так и в зарубежной литературе были выявлены и разработаны совершенно противоречивые принципы принятия данных эпох и их взаимодействий. На фоне исследований были приняты такие фундаментальные принципы, как теоцентризм, провиденциализм, персонализм, традиционализм, космологизм (А.Я. Гуревич, Р. Томас, Э. Жильсон, М. Блок, Л. Февр, Ж. Легоф, А.Ф. Лосев, С.С. Неретина, М. Мамардашвили и многие другие), оказавшие огромное влияние на изучение средневекового бытия и античности.

Не претендуя на анализ всех трансформаций во всех аспектах, отметим лишь главную для нас: основой этих изменений стало новое понимание человека и человеческой деятельности, которое было вызвано процессами великих преобразований.

В целом человек в античном миропорядке – это лишь материал, который содействует приобщению к высшим, внеличностным ценностям – здесь индивид не рассматривается как ценность, и если у человека античности еще не было сложившегося ощущения личности, то именно античность сделала первый шаг на этом пути – она отделила индивида от всеобщей субстанции.

Основное представление о мире у греков сводилось к тому, что это есть театральная сце-

на. А люди – актеры, которые появляются на этой сцене, играют свою роль и уходят. Приходят они с неба, ведь люди – эманация космоса, космического эфира, и уходят они туда же и там растворяются, как капли в море. С точки зрения всей эстетики античности космос есть наилучшее, совершеннейшее произведение искусства. А что такое человеческое искусство? – Это только жалкое подобие космологического искусства. Ни для кого не секрет, что античная культура основана на внеличностном космологизме. И здесь перед нами не объект, не субъект, но нечто характерное для античного понимания личности. Если обратиться к основным категориям, мы увидим, что на первом плане стоит «логос» – это и слово, и мысль, но нигде и никогда это не означает «личность». Слово «логос» лишь в христианстве станет означать личность. Вернее сказать, что внутренний человек будет открыт лишь в эпоху средневековья, поскольку тогда происходила внутренняя духовная работа, поскольку человек тогда стоял в центре христианской веры и христианского мирозерцания, и отношение к человеку было совершенно иное, чем в эпоху Возрождения, и тем более в Античности [3].

Далее хотелось бы если не понять причины слома античного мирозерцания, приведшего к интеллектуальной победе христианства, то обнаружить особенности взращивавшей их философской среды. Путь трансформации античного мировосприятия в средневековье определялся как поиск путей спасения. Христианство, как новая религиозность, основанная на принципах откровения и монотеизма, была чужда античному религиозно-мифологическому мировоззрению и восприятию природы как прекрасно организованной, которая сама для себя и есть абсолют. Однако оно, отталкиваясь от состояния несвободы человека, появилось в духовной жизни античного общества как путь индивидуального спасения, состояния абсолютной личности, которая выше мира, раньше космоса и всякого тела, что и в последующем пропагандировалось в средние века [4, с. 155–170]. Здесь, на данный момент истории, христианство объявило борьбу природному человеку, борьбу с низкими стихиями во имя духовного поднятия человеческой личности, во имя искупления человека. Средневековое христианство природного человека связало, сковало силы человеческие, отвратило человека от природы в нем самом и от природы в окружающем мире [3].

Подобное замечание приводит, на наш взгляд, к объединению философской задачи – где языческая культура не доходит до учения об

абсолютной личности, в то время как средневековая картина мира без него уже не существует, но заимствует и, трансформируя, отражает духовное начало античности и поиски самого человека.

Уже Цицерон в поздней античности отметил, что понятие «человечность» (*humaitas*) является важнейшим результатом культуры и обозначает в первую очередь своего рода возрождение человека. А.Ф. Лосев усматривает в этом борьбу двух мировоззрений или же столкновений двух миров: одного связанного с вещью, телом, природой и другого – с личностью, обществом, идеей идеального мира.

В то же время трудно не согласиться с А.Ф. Лосевым и в том, что идеалистическое начало доминирует в античной философии и античном искусстве, но, судя по всему, мифология и религия древних греков формировалась «как стихия художественная по преимуществу». И на этом этапе и боги, и герои воспринимаются как идеализированные образы человека, а их отношения отражали прежде всего характер реальных и принципиально возможных отношений между людьми. Здесь важно также подчеркнуть не только антропоморфность мифа этого времени, но именно идеализацию образа человека в художественном творчестве, в том числе и идеализацию человеческого тела в изобразительном искусстве. Как писал Алексей Лосев, «это – такое тело, в котором нет ничего, кроме духа. И это такой дух, в котором нет ничего кроме тела. Это полная взаимопронизанность духа и тела, абсолютное равновесие духовного и телесного». В последующем именно это двоякое обращение к античности и к природе, это гуманистическое сознание человека повернуло человека от духовного человека Средневековья к природному человеку в эпоху Возрождения.

Однако, на фоне наших рассуждений, почему же Средневековье считают «темным» не только идеологи, преследующие в значительной степени пропагандистские цели, или историки, пугающие процессами над ведьмами, появившимися на исходе этого периода, или инквизицией, но и философы, которых должна интересовать только истина?

Многие философы привыкли думать от «последней черты», от традиционного, принятого или установленного на сей момент. От классической картины мира, где человеческие духовные характеристики не включаются и не рассматриваются должным образом. От установленных понятий, выработанных познающим, естественно научным разумом, они естественно

подходят к анализу древних философских трактатов.

И поскольку средневековый разум этими мерами не измерить, то он и записывается в разряд непонятого, темного [5, с. 6]. Отталкиваясь от классиков – мы видим, что определения разума полагаются незыблемыми для всех времен, выходящее за его пределы считается неразумным, иррациональным, даже мистическим. Новое время привыкло считать, что философия – это мышление в понятиях и что она представлена авторами. В Средневековье же, ориентированном на авторитет, не было авторов в принятом ныне смысле слова. Истинным автором как мира, так и слова о мире считался Бог, авторитетами – отцы церкви...

И действительно, классическая практика всегда исходила из резкого противопоставления Средних веков и Ренессанса-Античности, что является несколько односторонним представлением. И, с одной стороны, это вполне понятно. Однако здесь мы попытаемся утвердить и другую сторону и таким образом подойдем к главной проблематике нашего рассуждения.

Вся культура средневековья может быть вполне понята как грандиозное мучительное усилие охватить духовным сознанием и выразить эту трагическую религиозную первопроблему. Отсюда – страшный своей какой-то бесчеловечностью средневековый аскетизм с его тяготением ко всему предметно-говорящему о Смерти, тлении, разложении; отсюда, с другой стороны, прекрасно формально, но как-то не сходящее нам в душу, отвлеченное, нарочито-символическое искусство, отсюда средневековая наука или то, что тогда принималось за науку: обозрение вещей-символов, вещей в их свойстве «представлять» рационалистически отвлекаемые «качества» Сущего [6, с. 177].

В самом деле, средневековый индивид – предмет в высшей степени противоречивый и в известном смысле даже невозможный. С одной стороны, изучение таких аспектов средневекового миропонимания, как пространство-время, небесное и земное, жизнь и смерть, образ потустороннего мира, свобода и несвобода, право как одна из основ мироздания, устная и письменная культура и т.д., всякий раз с необходимостью подводит исследователя к ядру, которым является индивид.

С другой стороны, если исследователю и удастся ухватить в имеющихся источниках те или иные черты мировидения эпохи, то он находит их преимущественно в качестве симптомов коллективного сознания. Лишь чрезвычайно редко исследователь способен добраться

до индивидуальной личности, в сознании которой концентрируются все названные выше и многие другие срезы картины мира [7, с. 12–13].

Культура средневековья сложилась в первую очередь в результате синтеза античного наследия, включавшего как греко-римскую языческую ученость, так и христианство, с наследием варварским. Ментальные установки и стереотипы поведения средневековых людей едва ли могут быть адекватно уяснены [7, с. 50].

Таким образом, не отсутствием светлых умов характеризовались темные века, а осознанием неисповедимости Творца, Который единственно владел истиной и перед Которым всякое знание казалось ничтожным. Он, как говорил схоласт Петр Коместор, казался мраком наподобие того, как мрачнеет яркое солнце, если долго смотреть на него.

Традиционное христианское учение о сотворении мира Богом получает здесь особое истолкование. По отношению к божественному разуму, который создал мир, природа рассматривается как искусственное. Деятельность же человека истолковывается как своеобразное подобие в малых масштабах актов творения, но здесь человек духовен в своем внутреннем мире. Такое понимание пронизывало все сферы средневековой картины – обыденное мышление, художественное восприятие мира, религиозно-теологические и философские концепции, средневековую физику и космологию и т.п. И это было естественным выражением системы социальных отношений людей данной эпохи, образа их жизнедеятельности [8].

Но средневековье кончилось в первую очередь средневековым христианским Ренессансом, оптимизм, вера в возрождение свойственны и средневековью. Настанет день – и Мир очистится, освятится, «будут земля новая и небо новое» [6, с. 179].

Я имею в виду ранний Ренессанс мистической Италии, в начале которого заложены пророчества Иоахима из Каламбрии, святость Франциска Ассизского, гениальность Данте. Это христианское средневековое Возрождение, с которым связана живопись Джотто и все течение начального периода итальянского искусства. Это вообще один из самых необычайных моментов западноевропейской духовной культуры. В нем была поставлена великая задача чисто христианского возрождения и положена основа чисто христианского гуманизма, отличного от того гуманизма новой истории, который начинается позже. Этот христианский гуманизм стоит выше всего того, что дала нам позже Европа. Весь средневековый замысел, –

быть может, величайший замысел в истории по своей глубине, по своему универсальному размаху, по взлету мечты, с которой была связана эта культура, претендовавшая создать Царство Божье на земле в величайшей красоте, какую только видел мир, в которой было уже частичное возвращение к античным основам, потому что всякое возрождение есть возвращение к греческим источникам культуры. Величайшие достижения этого христианского Ренессанса были необычайны, потому что необычайна была святость многих деятелей и св. Франциска Ассизского [3].

Гений, по своей формально-психологической природе по преимуществу *художественный*, не аналитический, а творческий, что и сказалось в изобретенной им аскезе буквального последования Христу, понимаемому в Его живой конкретности, – св. Франциск, если бы он стал философствовать, формулировал бы отношение Бога к миру так, как это сделал первый из великих францисканских философов, тот же св. Бонавентура: мир – творение Божие в том смысле, что Бог выразил себя в мире. Бог представляется св. Бонавентуре художником, творчески воспроизводящим себя в своем создании, воплощающим в нем свою «идею». Мы видим: францисканство и «Возрождение» в этом пункте оказываются едва ли не синонимами [6, с. 185]. Мы видим: вполне реальные, а не «мнимые», «построяемые сознанием» нити, протягивающиеся от «Возрождения» к Франциску Ассизскому с его даром постижения «конкретности». Но надо пойти дальше и яснее понять, что такое было это чувство конкретности, которым был наделен святой, это чувство, служившее источником того восторженного умиления, того поэтического восхищения, в которое приводило его созерцание тварного мира и которое нашло себе исход в его знаменитом «гимне брату Солнцу» [6, с. 184]. Но отсюда не следует, что религия личного Бога каким бы то ни было образом переходила у св. Франциска в религию Природы: он знает только отдельные вещи: брата Солнце, сестру Воду, брата огонь, брата волка, сестричек птичек. Его восприятие мира таково же, как и восприятие Христа, то есть совершенно конкретно.

В этот период отдельная вещь «сама по себе» есть истинная абстракция. Возрождение философии было результатом более углубленного представления об отдельной вещи, понимаемой как индивидуум, результатом рефлексии над данными мистического опыта средневековой теологии, который дал начало всему наиболее ценному в культуре раннего Ренес-

санса. Это – один из решающих моментов в судьбе человека. Средневековое сознание заключало в себе какие-то дефекты, недостатки, которые должны были раскрыться в конце Средневековья и начале Нового времени. В чем же заключается ущербность этой средневековой идеи Царства Божия, в силу которой средневековье должно было прийти к концу, не могла увенчаться успехом теократическая культура и должна была прийти к внутреннему надлому и краху, должна была кончиться история средневековья и начаться история нового человека, в которой появился дух, ведущий борьбу с духом средневековья? Мы предполагаем, что недостаточность средневекового сознания прежде всего заключается в том, что не была раскрыта настоящим образом свободная, творческая сила человека и человек в средневековом мире не был отпущен на свободу для свободного, творческого дела, для свободного созидания культуры, не были в этом смысле испытаны в свободе те духовные силы человека, которые были выкованы христианством и христианским средневековым периодом истории. Средневековая аскетика укрепила человеческие силы, но силы эти не были отпущены для испытания в свободном творчестве сознания. Выяснилось, что принудительное осуществление Царства Божия – невозможно; принудительно, без согласия, без участия свободных, автономных человеческих сил не может быть создано Царство Божие. Для религиозной культуры в мире необходимо было откровение человеческих сил, человеческого творчества, чтобы человек, пройдя через этот трудный период трагического испытания на свободе своих сил, пришел наконец к высшим формам религиозного сознания, чтобы мог он автономно создать теонимическую культуру и приложить свои творческие силы для создания Царства Божия. Опыт новой истории есть не что иное, как опыт свободного раскрытия человеческих сил. Неизбежно было явление в истории гуманизма нового европейского человека, для того чтобы по-настоящему была испытана творческая свобода человека. Средневековье же, сосредоточив и дисциплинировав духовные силы человека, вместе с тем связывало их. Оно держало их в подчинении духовному центру, оно централизовало всю человеческую бытность. Это подчинение было во всем складе средневекового мира, и лишь на заре нового времени произошла децентрализация, на базе возвращенной духовности человека были выпущены на свободу его творческие силы.

Эпоха Возрождения вновь открывает природного человека, в то время как христианство, с

момента своего явления в мир, открыло духовного человека, путем долгим и тяжелым, но оно открыло нового Адама. Трансформируя античное наследие (ведь никто и не отрицает, что труды античных авторов Средние века приняли) и средневековое глубокое погружение в духовность и человеческую личность, созданную Богом, мы сможем утвердить Средние века не как «ночь Средневековья», а скорее как «предрасвет Возрождения», которое наполнило духовным смыслом человека в его античном природном начале. Здесь личность свободна, и только у нее одной есть в полном смысле слова внутренний мир и субъективность, поскольку она движется и развивается в себе и чувствует природу.

И действительно, гуманизм переживал разные стадии. Чем он ближе к источникам христианским и вместе с тем античным, тем прекраснее, тем сильнее человеческое творчество. Чем более он отдаляется от христианского средневековья, тем более порывает с античными основами, тем более иссякают творческие силы и ослабляется красота человеческого духа. Это одно из самых несомненных и вместе с тем парадоксальных положений, которое раскрывается в новой теории и взгляде на неклассический подход к картине мира. С этим связано несоответствие между началом и концом гуманизма, между началом, которое породило расцвет Ренессанса, в котором чувствовалась еще эта средневековая, христианская основа человеческой личности и была связь с античностью, и тем концом гуманизма, в котором совершается все больший и больший разрыв со средневековыми католическими основами, а вместе с тем и с античностью. Чем более отходит человек в своих исторических путях и в своем сознании от начал средневековых, тем более отходит он и от начал античных и изменяет первоначальному завету Ренессанса. Тот новый дух, который обнаруживается в новой истории, направляет человека по совершенно новым путям, не схожим ни с путями средневековой его судьбы, ни с путями его античной судьбы. Эти умозаключения, подтверждаются, что духовных основ человека было в сущности две: античная и средневековая, и они, безусловно, отражали друг друга, дополняя – по словам Фомы Аквината, только личность наиболее благородна и наиболее

возвышенна среди всей своей Природы [5, с. 12–13].

Из вышесказанного можно увидеть, сколь разветвленным оказался взгляд на обсуждаемую нами тему, но мы постарались наметить определенные и основные пункты, ведущие к неклассическому подходу описываемых нами эпох и становление человека. Для каждой крупной эпохи в развитии познания существенно модифицировалась нормативная формула движения «к самим исследуемым вещам». Но как подмечает В.С. Степин, «возникая в контексте культуры, идеалы научного познания не всегда осознаются исследователем. Они часто воспринимаются им как нечто само собой разумеющееся и усваиваются благодаря знакомству с образцами знания, построенными в соответствии с этими идеалами» [9, с. 211]. Но здесь, при переходе от классической науки к современной, должны существенно измениться элементы системы и подходы, где нормы ориентировались на господство механистических процедур, и следует внести поправки, включая человеческие характеристики и заглядывая более вглубь веков и изучая, таким образом, новые парадигмы человеческого существования и его мировосприятия.

Список литературы

1. Мотрошилова Н.В. Работы разных лет. Избранные статьи и эссе. М.: Феноменология-Герменевтика, 2005. 574 с.
2. Хайдеггер М. Тождество и различие / Пер. с нем. А. Денежкина; под ред. О. Никифорова. М.: Гнозис, Логос, 1997. 64 с.
3. Бердяев Н. Смысл истории. URL: <http://gendocs.ru/v25898/page=5>
4. Лосев А.Ф. Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988. 365 с.
5. Неретина С.С. К истории средневековой философии. Архангельск: Архангельский ГосУниверситет, 2011. 366 с.
6. Бицилли П.М. Место ренессанса в истории культуры. СПб.: Мифрил, 1996. 258 с.
7. Гуревич А. Индивид и социум на средневековом Западе. СПб.: Alexandria, 2009. 481 с.
8. Степин В.С. Теоретическое знание. URL: <http://philosophy.ru/library/stepin/pred.html>
9. Степин В.С. Структура и эволюция теоретических знаний // Природа научного познания. Минск: Университетское, 1979. 211 с.

REFLECTION OF SPIRITUAL CONTENT OF ANCIENT WORLD VIEW IN MEDIEVAL TIME*E.V. Akhmaeva*

In article the main lines is analyzes of transformation of two worlds – Ancient and Medieval and the consciousness of a men in that period. The process of social evolution with all its ups and downs creates a versatile tradition that makes up a successive connection between the new and old society includes humanity characteristic.

Keywords: ancient, medieval individuum, spiritfulness, person, medieval Christianity Renaissance.